

С. В. Сливко

УЧАСТИЕ А. А. ФАДЕЕВА В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1917–1922 ГГ.)

В статье рассмотрено личное участие А. А. Фадеева в революционном движении и Гражданской войне на Дальнем Востоке — участие в молодёжных кружках и обществах, владивостокском большевистском подполье, партизанских отрядах.

Ключевые слова: А. А. Фадеев, Великая Октябрьская социалистическая революция, Гражданская война на Дальнем Востоке, Дальний Восток, советская литература.

Александр Фадеев вошёл в советскую литературу пусть и молодым, но уже получившим солидный жизненный опыт человеком. Первая крупная повесть, возвестившая о появлении в советской литературе нового писателя, вышла в 1923 году («Разлив»), когда Фадееву ещё не было 22 лет. «Разгром» принёс писателю всесоюзную известность в 25 лет. Поколение писателей, пришедшее в советскую литературу с опытом революции, Гражданской войны и борьбы с интервенцией, принесло и осмысление этих событий. Они были юными по возрасту, но закалёнными в боях и пережившими столько, сколько редко приходится на всю человеческую жизнь в условиях мирного времени. «Пиши чернилами, но с кровью пополам», — завещал своим единомышленникам французский поэт Поль Верлен. Именно так и писали молодые литераторы-фронтовики, вернувшиеся из огня сражений Гражданской войны. Прежде чем стать писателями, они стали большевиками и прошли суровую школу борьбы за свои идеалы — Александр Фадеев, Дмитрий Фурманов, Николай Островский, Аркадий Гайдар, Борис Лавренёв, Исаак Бабель, Мате Залка... У каждого из них была своя судьба и свои пути в революции, что напрямую отразилось на их творчестве и индивидуальном писательском облике. В настоящей статье рассмотрены формирование политических взглядов А. А. Фадеева и его участие в революционном движении и борьбе за советскую власть на Дальнем Востоке.

Февральскую революцию А. А. Фадеев встретил учащимся 6 класса Владивостокского коммерческого училища. В 1949 году в письме к подруге юности А. Ф. Колесниковой он сам вспоминал об этом времени так: «В том виде, в каком Вы помните нашу мальчишескую компанию, она только-только стала складываться к концу 1916–1917 учебного года и вполне сдружилась и окрепла

в 1917–18 году. А в 1918–19 году, когда мы уже были в 8 классе, мы уже все работали во владивостокском антиколчаковском большевистском подполье» [14, с. 14]. Компания, о которой говорит Фадеев, — это «соколята». Они представляли собой группу демократически настроенной молодёжи Владивостокского коммерческого училища. По словам З. И. Секретаревой, «группа “соколят” в основной своей части сложилась из стародавнего содружества одноклассников, какие обычно бывают в любом классе и сколачиваются часто по совершенно непонятным вначале признакам. В 1917 году эта группа приобрела определенную политическую окраску. “Соколята” были той меньшей частью учащихся, которая признала сначала Февральскую, а затем и Октябрьскую революции. Сначала “соколята” были инициаторами и организаторами Союза учащихся, затем они же стали инициаторами и организаторами ликвидации этой молодежной организации, так как она объединяла абсолютно всех учащихся, среди которых оказалось потом немало противников советской власти» [12].

Происхождение названия этой группы вызывает споры. Исследователь В. А. Авченко утверждает, что оно произошло от названия спортивного клуба общества «Сокол» на Корабельной набережной, который посещали Фадеев и его друзья. Также есть версия, что «ребят именовали соколятами по причине их революционности, пылкости и стремительности» [1, с. 29–30]. Вполне возможно, что на название повлияла знаменитая «Песнь о Соколе» А. М. Горького, пользовавшаяся большой популярностью среди революционно настроенной молодёжи. Недаром в произведении есть эпизод, напрямую говорящий о том, что дело Сокола будет продолжено: «Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!» [3, с. 47].

Вскоре после Февральской революции А. А. Фадеев был избран первым редактором ученической газеты коммерческого училища. Тогда же по инициативе Союза учащихся и при поддержке Совета рабочих и солдатских депутатов в одной из казарм на Первой Речке было организовано общежитие для иногородних учащихся. Там же помещалась редакция журнала «Голос учащихся», в котором сотрудничали все «соколята». А. А. Фадеев одно время был редактором этого журнала. Вскоре общежитие, утратив своё прямое назначение, превратилось в бытовую коммуны, основным ядром которой стали «соколята». Предоставляя казарму для общежития учащихся, председатель Владивостокского Совдепа К. А. Суханов сразу озаботился политическим воспитанием революционной молодёжи. Владивостокский горком РКП(б) прикомандировал к общежитию куратора — участника Первой

мировой войны, потерявшего на войне ногу, красногвардейца И. И. Строда. Как вспоминала З. И. Секретарева, «Строд очень привязался к ребятам, по-матерински заботливо полюбил их. Вспоминается мне, как, рассказывая о своих подопечных, он любовно называл их мягким голосом с латышским акцентом — “мои соколятки”» [12]. В коммуне, помимо Фадеева, жили и Я. Голломбик, Г. Билименко, Н. Заделенов. С коммуной были связаны и остальные «соколята». Наиболее близкими друзьями А. Фадеева были Пётр Нерезов, Григорий Билименко, Александр Бородкин — все вместе они называли себя «мушкетёрами», среди которых А. Фадееву принадлежала роль д’Артаньяна как самому молодому, горячему и энергичному. В одном из своих писем Фадеев описывал порядки и настроения, царившие в коммуне: «Как мы были дружны и любили друг друга! Мы все были влюблены в кого-нибудь, делились этим “тайным тайных”, сочувствовали успехам и неудачам друг друга в любви, верили друг другу во всё. Мы презирали деньги, собственность. Кошелёк у нас был общий. Мы менялись одеждами, когда возникала к тому потребность. Как мы были счастливы!» [14, с. 18].

М. И. Губельман, один из руководителей большевиков Приморья, вспоминал, как после первомайской демонстрации 1917 года в комитет РСДРП (на Дальнем Востоке большевики и меньшевики оформились в отдельные партийные организации только в сентябре 1917 г.) зашла группа молодёжи. Среди них он обратил внимание на молодого человека в форме ученика коммерческого училища: «Меня поразили его широко открытые светлые глаза. Он был среднего роста, весь подтянутый, стройный, с открытой шеей, большой головой; его вихрастые волосы были непослушны, он старался пригладить их руками, но они не поддавались и разбрасывались в разные стороны. Это был Саша Фадеев» [5]. Молодые люди интересовались различными социалистическими течениями и стремились выработать свои политические взгляды. Фадеева возмутила агитация анархистов, призывавших к немедленной экспроприации всех общественных богатств и упразднению всех органов власти, в том числе и Советов, но не дававших внятных ответов на то, как будет организована жизнь после совершения этих преобразований. Беседа молодых людей с Губельманом оставила след в сознании Фадеева: «Позднее Саша Фадеев много раз говорил мне, что именно в то время он определил для себя, с кем ему идти в борьбе за новую жизнь, и с этого пути он не отклонился в сторону до конца своей замечательной жизни. Позже, когда во Владивосток возвратились с фронта братья Всеволод и Игорь Сибирцевы, Саша окончательно укрепился в принятом решении» [5].

А. А. Фадеев и его друзья поддерживали связь с группой студенческой молодёжи, с которой он установил связь через своих двоюродных братьев — Всеволода и Игоря Сибирцевых. Семья Сибирцевых, безусловно, оказала большое влияние на Фадеева. Именно в этой прогрессивной семье старшей сестры своей матери (М. В. Сибирцевой) он впервые услышал имена Герцена и Чернышевского, познакомился с социалистической литературой, узнал от старшего из своих двоюродных братьев Всеволода Сибирцева о политической жизни Петербурга, где Всеволод учился в политехническом институте. Также братья Сибирцевы рассказывали Фадееву о революционной истории Дальнего Востока, в частности о восстаниях во Владивостоке в 1906 и 1907 годах.

Сестра А. А. Фадеева, Татьяна Александровна, вспоминала о политическом выборе матери: «Время было бурное. Царя свергли. Повсюду шли митинги. Мы ещё плохо разбирались в том, что происходит вокруг нас. Помогла нам мама. Её избрали делегатом на Никольск-Уссурийский уездный крестьянский съезд. Там она послушала речи большевиков, и когда вернулась, то сказала нам:

— Дети, большевики правы. Они за бедных. Хорошо хвалить Временное правительство тем людям, у которых всё есть.

<...> Саша очень любил свою мать, и её мнение имело для него большое значение» [15].

И социальное происхождение, и семья, и круг друзей, и общее развитие политической ситуации во Владивостоке, который был центром развития большевизма на Дальнем Востоке (на выборах в Учредительное собрание большевики получили во Владивостоке 49% голосов — один из лучших результатов по стране), оказали большое влияние на формирование политических взглядов А. А. Фадеева [2, с. 20].

Поэтому, когда Союз учащихся под влиянием революционных событий фактически раскололся и прекратил своё существование, то «соколята» вместе с Фадеевым вступили в созданный осенью 1917 года Союз рабочей молодёжи. В основу его деятельности изначально были положены материальная заинтересованность рабочей молодёжи, борьба за более высокий заработок, за охрану молодёжного труда. Первое время большое влияние на союз имели анархисты, между сторонниками которых и приверженцами большевиков происходило соперничество. И если до Октябрьской революции и взятия власти Советами на Дальнем Востоке разногласия между двумя течениями ослаблялись наличием общей цели (свержением Временного правительства и осуществлением революционных социальных

преобразований), то в ходе советского строительства они стали возрастать, что завершилось победой большевистской линии в союзе: «Соколята» пользовались большим авторитетом и уважением в Союзе рабочей молодёжи. Они сумели побороть анархистское бунтарство ребят, привлечь их на сторону советской власти как сознательных, организованных её защитников. У меня была фотография тех времен, на которой изображена группа активистов Союза рабочей молодёжи: двенадцать рабочих ребят, а в центре этой группы, на самом почётном месте, в первом ряду — Саша Фадеев, которого ребята любили за его общительный характер и простоту в обращении, уважали за ум» [12].

Великая Октябрьская социалистическая революция была встречена Александром Фадеевым и его друзьями с восторгом: «После митинга ко мне подошел Саша Фадеев с несколькими членами Союза молодежи. Они были возбуждены, лица их светились радостью. Саша говорил:

— Дядя Володя! Вот это настоящая революция! Теперь уж крестьяне получают землю, получают настоящую свободу, за которую они вместе с рабочими боролись... Мечта лучших людей России осуществляется. Не так ли? Впереди светит новая жизнь! Какие молодцы петроградские рабочие и солдаты: сбросили буржуев, так им и надо!» [5].

В короткий период существования советской власти в Приморье Александр Фадеев, совмещая общественную работу с учёбой, проводил среди молодёжи агитацию за советскую власть и полемизировал со сторонниками как правых социалистов, так и анархистов, публиковался в газете большевиков Дальнего Востока «Красное знамя».

29 июня 1918 года вооружённые отряды Чехословацкого корпуса, который прибыл во Владивосток для эвакуации во Францию, подняли мятеж против Владивостокского Совета при поддержке антисоветских сил. Руководство Совета и видные партийные руководители были арестованы, отряды Красной гвардии разоружены, начался белый террор. После разгрома уцелевшие члены большевистской организации ушли в подполье, организовали подпольный горком и осуществляли свою деятельность через легальные массовые рабочие организации. Рабочий Красный Крест, который оказывал помощь попавшим в заключение большевикам и сторонникам советской власти, был легализован при Центральном бюро профессиональных союзов и тесно связан с большевистским подпольем через Г. Ф. Раева, председателя Центрального бюро. Двое членов комитета рабочего Красного Креста, З. П. Станкова и З. И. Секретарева, являлись одновременно и членами

подпольного большевистского горкома, выполняя наряду со своими функциями в Красном Кресте большую партийную работу.

Для многих из активистов рабочего Красного Креста он был дверью в большевистское подполье. Чехословацкий мятеж застал А. А. Фадеева на каникулах, в Чугуевке, и он смог вернуться во Владивосток с большими трудностями. Его двоюродный брат Всеволод Сибирцев был арестован, Игорь Сибирцев вёл подпольную работу во Владивостоке. Вместе с другими «соколятами» Александр Фадеев включился в работу Красного Креста: они таскали тяжёлые тюки и корзины с продуктами и другими вещами заключённым в тюрьму или концлагеря на Первой Речке, передавали заключённым секретную информацию в вещах, изготавливали фальшивые документы и помогали легализоваться бежавшим из лагеря или переправляли их в тайгу к партизанам, носили на цензуру в чехословацкий штаб выходявшую под маркой Центрального бюро профсоюзов большевистскую газету, распространяли среди населения неподцензурные издания и большевистские листовки, раздавая их или расклеивая в людных местах. Выполняя задания рабочего Красного Креста и большевистского подполья, Фадеев был вооружён пистолетом системы Браунинга. З. И. Секретарева вспоминала: «Однажды я наблюдала с высоты Ботанической (теперь имени Сибирцева) улицы, как спускался вниз по Алексеевской улице Саша Фадеев, нагруженный ещё пахнущими типографской краской листовками. В чёрном суконном плаще с чужого плеча и помятой фетровой шляпе, с пачками прокламаций под руками, сверху он казался каким-то приплюснутым, смешным. Задание состояло в том, чтобы распределить листовки между другими товарищами и распространить их по городу» [12]. Однажды А. Фадеев вместе с одной из девушек-подпольщиц приклеил листовку на двери чехословацкого штаба.

В сентябре 1918 года Александр Фадеев вступил в РКП(б). З. И. Секретарева вспоминала о том, как его принимали в партию на заседании подпольного Владивостокского городского комитета РКП(б): «Когда на повестке стоял вопрос о приёме в партию Саши Фадеева, заседание подпольного горкома происходило в казарме Сибирского флотского экипажа, в сибирцевской гимназии, в комнате, где жили Игорь и Саша. Саша был всем собравшимся хорошо известен и проверен на практической работе:

— Ну что там обсуждать, знаем Сашка как облупленного, — сказал дядя Ваня Раев, — позовите его.

Кто-то крикнул:

— Саша, входи!

Дверь открылась. И, несмотря на то, что все горкомщики были хорошо знакомы ему, Саша вошёл, сильно волнуясь. Вошёл и сразу же прислонился к дверному косяку, словно у него подкашивались ноги. Опустив руки по швам, весь как-то вытянулся, подняв высоко голову. Я увидела его тоненькую, совсем ещё ребячью шею и подумала: «Ведь ему и семнадцати ещё нет!» Застывший, сосредоточенный взгляд его приходился выше наших голов и был устремлён куда-то вдаль, через окно. После объявления решения горкома о приёме Саши в партию он не сразу пришёл в себя, стоял некоторое время в той же застывшей позе у дверей, будто скованный каким-то большим и глубоким внутренним чувством. Так в сентябре 1918 года Саша Фадеев стал сразу членом Коммунистической партии, не проходя кандидатского стажа. Саша стал большевиком, когда владивостокское партийное подполье находилось в трудных условиях, когда партии нужны были самоотверженные, смелые и беззаветно преданные товарищи» [12].

В январе 1919 года оформился Приморский подпольный обком РКП(б). Именно в это время А. А. Фадеев познакомился с лидерами большевиков Приморья — С. Г. Лазо, М. Э. Дельвигом и другими. Перед партийным руководством стояла задача определения тактики сопротивления белой власти и интервентам. В ходе дискуссий выявились две точки зрения. Сторонники первой считали, что необходимы переход к активной борьбе с контрреволюцией и интервентами, сплочение для этой цели рабоче-крестьянских сил и активная поддержка партизанского движения в Приморье, чем должен заняться специально созданный военный отдел при комитете для руководства партизанским движением. Сторонники второй точки зрения, оказавшиеся в меньшинстве, высказывались против развёртывания партизанской борьбы, мотивируя это недостатком революционных сил и тем, что в случае неудачи движения крестьянство и рабочие профессиональные организации попадут под жестокие удары контрреволюции, что приведёт к усилению реакции. В результате был создан военный отдел, сыгравший исключительно важную роль в руководстве партизанским движением, в деле пополнения партизанских отрядов людьми, снабжения оружием, боеприпасами и т. п. [16]. В его работе принял участие и Александр Фадеев: «Помню, как мы с Сашей из Владивостока отвозили на подводе под матрацами оружие для партизанского отряда. Саша погонял лошадь, а я сидела на телеге спиной к нему, чтобы видеть, не едет ли кто-нибудь вслед за нами. А чтобы не слышать острой тревоги внутри нас, мы громко пели. Кстати, голоса у нас были довольно мощные. Мы благополучно доставили оружие в условленное место. Я была

и сама не робкого десятка, но Саша удивил меня своей выдержкой. Раньше я думала, что гимназисты и интеллигенты вообще не могут быть смелыми и бесстрашными, такими, как наши рабочие парни, но Саша разубедил меня в этом своей храбростью» [9].

Весной 1919 года наметился подъём партизанского движения в Приморье, и подпольному обкому было необходимо усилить прослойку коммунистов в партизанских частях. 19 апреля во Владивостоке состоялась III подпольная Дальневосточная областная конференция РКП(б), на которой присутствовали представители от Сучана, Владивостока, Никольска-Уссурийского, Хабаровска, Имана и других городов. Был заслушан доклад С. Г. Лазо «О задачах партии в Приморье» и принято решение усилить отряды партизан лучшими большевиками. Тем более что молодым большевикам грозила мобилизация в колчаковскую армию. Несмотря на то, что самому Фадееву мобилизация не угрожала, он вызвался вместе со своими товарищами уйти в тайгу и начать вооружённую борьбу с интервентами и белогвардейцами.

Вот как он писал об этом спустя 30 лет: «Мы полны были пафоса освободительного, потому что над Сибирью и русским Дальним Востоком утвердилась к тому времени власть адмирала Колчака, более жестокая, чем старая власть. Мы полны были пафоса патриотического, потому что родную землю топтали подкованные башмаки интервентов. Как писатель своим рождением я обязан этому времени. Я познал лучшие стороны народа, из которого вышел. В течение трех лет вместе с ним я прошел тысячи километров дорог, спал под одной шинелью и ел из одного солдатского котелка» [Цит. по: 1, с. 93].

Отказавшись от сдачи выпускных экзаменов, Александр Фадеев отправился в Сучанскую долину — центр партизанского движения в Приморье. Добравшись до Шкотово, он сел в поезд до станции Кангауз (ныне Анисимовка), по узкоколейке добрался до станции Сица и на конспиративной квартире получил направление в Сучанский отряд, штаб которого располагался во Фроловке — партизанской столице Приморья. Там его уже ожидали старые друзья — «соколята» и «мушкетёры», — отправившиеся в партизанский край из Владивостока за несколько недель до Фадеева. Перед отъездом все подпольщики получили поддельные паспорта с вымышленными фамилиями. Так Александр Фадеев на несколько лет стал Александром Булыгой. Лев Никулин вспоминал: «Партийная кличка, которую он придумал себе, — “Булыга” — вызывала у него улыбку: — Почему Булыга? Сам не понимаю». В. И. Даль давал такое объяснение слову «булыга» — «крупный окатыш, валун, булыжный камень, иногда большой обломок, округленный природою, водою».

Как вспоминал командующий партизанскими отрядами Сучанского района Н. К. Ильюхов, приток городской молодёжи в партизанское движение благотворно сказался на агитационно-пропагандистской работе, которую партизаны проводили среди местного населения: «Если раньше для развития движения не хватало, помимо прочего, живых пропагандистских сил, то с приходом владивостокской молодёжи этот пробел был значительно восполнен. Ревштаб немедля разослал прибывших товарищей по всеям Приморья, в такие отдалённые уголки, где жизнь не была еще затронута происходящими событиями и где крестьяне о них слышали лишь краем уха» [7, с. 90–91].

В партизанском отряде А. А. Фадеев сначала нёс караульную службу у штаба, а затем отправился в агитпоход на северо-восток — в Ольгу и Тетюхе: «Призывая их [крестьян] к участию в партизанских отрядах, Саша прошёл много сёл и деревень. В отличие от других, он вёл дневник, в котором тщательно и продуманно записывал всё, что видел и слышал. Тут были сведения об имущественном положении сёл, деревень и отдельных крестьян, возрастной состав населения, экономическое положение. Фадеев записывал, сколько лошадей, сколько и какой скот имели жители, давал характеристику отдельных лиц, вожаков деревень и сёл, приводил сведения о том, какое имеется оружие и в каком количестве, сколько патронов и т. д., о знатных охотниках, о хороших стрелках, о рыбаках, землепашцах. Это была своего рода перепись населения со всеми подробностями его быта и труда. Это были ценнейшие сведения, необходимые штабу» [5].

После возвращения, в июне 1919 года, он вместе с остальными «мушкетёрами» (Григорием Билименко, Александром Бородкиным и Петром Нерезовым) был зачислен бойцом в Новолитовскую роту Сучанского отряда и вместе с отрядом отправился к побережью и устью Сучана, где получил настоящее боевое крещение: «Я на всю жизнь благодарен судьбе, что у меня в боевые годы оказалось трое таких друзей! Мы так беззаветно любили друг друга, готовы были отдать свою жизнь за всех и за каждого! Мы так старались друг перед другом не уронить себя и так заботились о сохранении чести друг друга, что сами не замечали, как постепенно воспитывали друг в друге мужество, смелость, волю и росли политически. В общем, мы были совершенно отчаянные ребята, — нас любили и в роте, и в отряде. Пётр был старше Гриши и Сани на один год, а меня — на два, он был человек очень твёрдый, не болтливый, выдержанно-храбрый, и, может быть, именно благодаря этим его качествам мы не погибли в первые же месяцы: в такие мы попадали переделки из-за нашей отчаянной юношеской безрассудной

отваги» [14, с. 32–33]. За время, проведённое в походе и боях с противником, юные бойцы закалялись и взрослели: «Многое изменилось в наших душах. Война — большая и суровая воспитательница. К этому времени мы уже испытали много тяжёлого, жестокого: видели трупы замученных карателями крестьян, потеряли в боях многих людей, которых успели полюбить, знали об арестах в городе лучших наших друзей по подполью, знали о чудовищных зверствах в контрразведках белых» [14, с. 33].

Партизан К. П. Серов-Вишлин встретил Александра Фадеева с товарищами в Анучино в июле 1919 года: «Выйдя из штаба, я увидел четырёх парней, трое из них в форменных тужурках Владивостокского коммерческого училища. Было в этих ребятах что-то очень привлекательное, жизнерадостное, и меня потянуло к ним. <...> На всю жизнь остались в памяти слова, сказанные Сашей Фадеевым. Глубоко задумавшись, он сказал: “Современным Тьерам не понять, что человек, одетый в броню революционных идей, твёрже камня и крепче стали”» [4, с. 148]. Однако в скором времени неразлучным друзьям пришлось расстаться. Вместе с тем в отряд прибыли Игорь Сибирцев и его товарищи из числа студентов-большевиков, общение с которыми, по словам Фадеева, «с точки зрения интеллектуального и вообще духовного развития, несомненно, принесло мне огромную пользу. Я очень быстро повзрослел, обрёл качества воли, выдержки, политически обогнал своё поколение на несколько лет, научился влиять на массу, преодолевать отсталость, косность в людях, идти наперекор трудностям, всё чаще обнаруживал самостоятельность в решениях и организаторские навыки — одним словом, я постепенно вырастал в ещё хотя и маленького по масштабам, но политически всё более сознательного руководителя» [14, с. 34].

В это время Фадеев осознал, что его привлекает пропагандистская и литературная работа. Он читал товарищам стихи Пушкина, Лермонтова, «Русских женщин» Некрасова... По словам Н. К. Ильюхова, С. Г. Лазо, выслушав его рассказ о декламаторских талантах Фадеева, сказал: «Если Булыга прочитал поэму Некрасова так, как ты мне рассказал, значит, он сам имеет поэтические задатки... Это очень важно иметь в виду!» Партизан Булыга принимал участие в издании газеты «Вестник партизана», особую важность которой в развитии партизанского движения отмечал Н. К. Ильюхов: «Дело информации и пропаганды значительно шагнуло вперёд. При всех недочётах вольных и невольных, какими страдал “Вестник партизана”, он всё же оказал нам огромнейшую услугу в деле разъяснения и закрепления лозунгов, под которыми шла борьба, помог очистить от излишней обывательской

плесени сознание широких крестьянских масс, создавал нужное настроение; через него организовывались бойцы и всё население, укреплялась революционная дисциплина; он освещал также, хотя и в небольшой степени, положение дел в РСФСР и пробуждение рабочих в других странах. Это был маленький светильник, проливающий свет в глухую пору нависших тёмных туч реакции, и без такого освещения борьба была обречена на большие неудачи» [7, с. 90–91].

Успехи партизанского движения привели к появлению целых районов Приморья, освобождённых от власти интервентов и белогвардейцев. 27 июня 1919 года в селе Сергеевке по инициативе Ольгинского Временного военно-революционного штаба был созван съезд трудящихся Ольгинского уезда, на который съехалось 140 делегатов, в том числе и А. А. Фадеев и И. М. Сибирцев. Александр Фадеев вошёл в состав мандатной комиссии, и ему было поручено протоколировать заседания, выступая в роли секретаря: «Будучи председателем этого съезда, я поражаюсь энергии, активности и работоспособности Саши. Вся тяжесть работы по оформлению протоколов заседаний съезда легла главным образом на него, стенографисток тогда в партизанских районах не было, но Саша и Гриша Лобода протоколы представляли ежедневно законченными и хорошо оформленными» [5]. Съезд постановил считать Омское правительство Колчака врагом народа и призвал трудящихся вести беспощадную борьбу с интервентами и белогвардейцами. Единственно законной властью в России съезд признал Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и постановил восстановить советскую власть на всей территории Ольгинского уезда. На съезде был избран уездный исполнительный комитет Советов крестьянских, рабочих и партизанских депутатов. Командующим партизанскими силами Приморья был избран Сергей Лазо.

Выступил на съезде и Александр Фадеев: «На съезде произошла горячая и резкая схватка между крестьянами и рыбаками. Хотя штабом уезда этот вопрос, казалось, был разрешен, но на съезде рыбаки и рабочие поставили его очень остро, так как мужички цену на хлеб, учитывая конъюнктуру, держали выше установленной штабом и нарушали его решение. К сожалению, не сохранились записи выступлений по этому вопросу. Мы старались привести к единству мнения и хлеборобов, и рыбаков, но это не удавалось. Упорствовали держатели хлеба. И вот тут-то проявился горячий темперамент Саши Фадеева. Совершенно неожиданно для всех нас он взял слово и со всей присущей ему горячностью начал свою речь с упреков хлеборобам,

обвиняя их в жадности, стремлении поживиться в тяжелый момент борьбы, которую ведут рабочие, крестьяне, рыбаки вместе. Он увлекся, говорил, что некоторые хлебобобы проявили кулацкий подход к делу и что это ведет к срыву единства рабочих и крестьян». Выступление Фадеева настолько сильно затронуло крестьян, что председательствовавшему пришлось объявить перерыв, чтобы они успокоились. Сам А. А. Фадеев впоследствии сожалел о своих резких словах, вспоминая реакцию С. Г. Лазо: «Это было глупо и нетактично... Во время перерыва Лазо подошел ко мне, посмотрел на меня довольно выразительно своими умными глазами, ничего не сказал, только головой покачал. Я готов был уйти под землю». Однако речь возымела действие — после перерыва крестьяне согласились с ценами, предложенными штабом, и М. И. Губельман отмечал, что речь Фадеева имела большое значение в разрешении вопроса [5].

Вскоре после Ольгинского съезда войска интервентов и белых начали наступление на Сучанскую и Анучинскую долины, вытесняя партизан на север, в Спасско-Иманский район. В составе отряда И. Мелехина ушёл и Фадеев. Маршрут, которым шёл мелехинский отряд, Фадеев частично воспроизвёл в «Разгроме», как и фамилии некоторых тогдашних своих товарищей. Неподалеку от Имана к Мелехину присоединяются отряды Е. Дубова (Кишкина) и Ф. Петрова-Тетерина. Будущий писатель в составе конного отряда Петрова-Тетерина участвовал в боях в районе Молчановки, Монакино и Вангоу.

В начале осени 1919 года Фадеев вместе с Игорем Сибирцевым прибыл в родное село — Чугуевку, считавшуюся партизанским тылом. Они работали на мельнице Козлова за одежду и еду, ремонтировали плотину на р. Улахэ. Когда в Чугуевку прибыл 4-й сводный партизанский отряд, братья вместе с товарищем А. А. Фадеева по Владивостокскому коммерческому училищу и большевистскому подполью Анатолием Тайновым присоединились к отряду. Сам А. А. Фадеев вспоминал позднее: «Осенью 1919 года, когда я впервые столкнулся с этим отрядом в селе Чугуевке, он был уже самым дисциплинированным, самым неуловимым и самым действенным партизанским отрядом. Он совершенно был лишён черт “партизанщины”. Это была настоящая сплоченная боевая воинская часть» [14, с. 54–55]. Тогда же состоялось знакомство Фадеева с командиром отряда И. М. Певзнером, который станет одним из главных прототипов образа Левинсона в романе «Разгром»: «Я подошёл к избе, возле крыльца которой было особенно много народа. Там сидел на ступеньках очень маленького роста, с длинной рыжей бородой, с

маузером на бедре, большеглазый и очень спокойный человек и беседовал с крестьянами» [14, с. 54].

Причины перехода Фадеева и его товарищей в 4-й сводный партизанский отряд подтверждает и М. И. Губельман: «На мой вопрос, почему он переходит в отряд Певзнера, Саша ответил просто и ясно:

— Перехожу потому, что в отряде командующего товарища Певзнера больше дисциплины, порядка, что отряд Певзнера коммунистический.

Действительно, отряд этот, небольшой по численности, был боевым, крепко спаянным и находился в постоянном действии, выполняя план, намеченный подпольным Дальневосточным комитетом партии. Отряд этот, в отличие от многих других, за исключением отряда Сучана, находившихся под руководством Н. К. Ильюхова, держал тесную связь с Дальневосточным комитетом партии и военным комиссаром» [5].

Ещё до прихода в Чугуевку отряд, база которого располагалась на Свягинской лесной даче, получил сведения о времени прохода эшелона с оружием и обмундированием. Вскоре после вступления в отряд А. А. Фадеев принял участие в боевых операциях на Уссурийской железной дороге. Между станцией Свягино и Спасском партизаны заминировали железнодорожное полотно, заложив два фугаса. После взрывов произошло крушение товарных вагонов с грузами, конвойный вагон взлетел на воздух, а партизаны погрузили на подводы трофеи и ушли в Чугуевку. По свидетельству Н. К. Ильюхова, «активность отряда Певзнера была изумительной. На значительном протяжении Уссурийской железной дороги он врагу не давал “ни отдыха, ни сроку”, взрывал железнодорожные мосты, нападал на вражеские гарнизоны, безжалостно истреблял предателей и провокаторов... Во всех боевых действиях отряда Певзнера принимал участие вместе с Игорем Сибирцевым и Саша Булыга». Партизан Барышев вспоминал, как в конце 1919 года они с Булыгой и Игорем Сибирцевым «взорвали броневик с четырьмя теплушками и доставили в отряд большое количество винтовок, пулеметов, патронов и обмундирования».

М. И. Губельман встретился с А. А. Фадеевым в Чугуевке после одного из удачных возвращений отряда с боевых операций: «Когда мы с Фадеевым снова встретились, он поделился со мною подробностями боев и налетов. Никогда не забуду, с каким увлечением Саша рассказывал об удачном спуске под откос поезда с интервентскими войсками и колчаковцами, о том огромном впечатлении, какое на него произвели выдержка и самообладание партизан в этом деле, при выполнении которого удалось разоружить белогвардейцев,

захватить оружие, патроны. Он был потрясен слепой дисциплиной японских солдат. Раздавленные упавшими на них со второго яруса товарного вагона тяжестями, истекая кровью, они разбирали магазинные коробки своих винтовок и разбрасывали их части, чтобы они не достались нам.

— Вот, дядя Володя, с кем нам приходится бороться! А всё-таки хотя нас мало, а бьём мы их крепко и обязательно разобьём, потому что мы сражаемся за свою землю, за свою свободную социалистическую родину.

В отличие от своих товарищей по отряду, Саша замечал, продумывал, осмысливал все, что видел, слышал, чему был сам свидетелем в событиях того времени» [5].

Игорь Сибирцев в конце 1919 года стал начальником штаба отряда, а Александр Фадеев — его помощником. После краха режима адмирала Колчака дни белой власти в Приморье были сочтены. В конце января 1920 года 4-й сводный партизанский отряд занял Спасск, не встретив сопротивления. Белые части либо сложили оружие, либо присоединились к партизанам, японцы подчёркнуто демонстрировали свой нейтралитет, но не спешили выводить войска. Два месяца, прошедшие между вступлением отряда в Спасск и японским выступлением 4–6 апреля 1920 года, лично для Фадеева означали стремительное возвышение: его избирают в состав Спасского уездного комитета партии, а несколько позже — делегатом 4-й Дальневосточной краевой конференции РКП(б). М. И. Губельман вспоминал, что и он, и С. Г. Лазо считали необходимым, чтобы таланты Фадеева раскрылись в области политработы: «С Сергеем Георгиевичем Лазо мы часто говорили о постановке политической работы в армии и кадрах для этой работы. Мы считали, что одним из лучших в этой роли является А. Фадеев. Его любили партизаны, с которыми он постоянно проводил беседы на различные темы общественно-политической и военной жизни страны. Именно поэтому он был назначен помощником политического уполномоченного (комиссара) в войсках Спасского района. Оказанное доверие Саша оправдал полностью, образцово поставив политическую работу в частях войск района» [5].

Утром 5 апреля 1920 года японские войска внезапно напали на партизанские части в Спасске, в городе завязались кровопролитные бои. Несмотря на сопротивление партизан, фактор внезапности, лучшая боевая выучка и преимущество в вооружении были на стороне регулярных частей японской армии. Партизанские войска с боем отступили, стремясь сохранить организованность при отходе. Александр Фадеев был ранен в бедро на окраине Спасска, вместе с несколькими бойцами спасая из штаба документы, деньги,

ценное имущество. Товарищи принесли раненого Фадеева на пункт первой помощи, однако раненый комиссар отказался от перевязки, предоставив возможность тяжело раненым товарищам получить медицинскую помощь в первую очередь. После осмотра врача выяснилось, что пуля прошла навывлет, не задев кости, и ранение не угрожает жизни, но Фадеев был лишён возможности передвигаться самостоятельно и в условиях наступления японцев рисковал попасть в их руки. Остановив конного партизана, Игорь Сибирцев приказал ему спешиться, посадил на лошадь раненого Фадеева, и он преодолел 27 километров до села Калиновки без перевязки. В Калиновке А. А. Фадеев вместе с другими ранеными пробыл до половины дня 6 апреля, что позволило ему отдохнуть, наложить на рану повязку, принять пищу и подготовиться к транспортировке в тайгу. Партизан Иван Пикуль достаточно подробно описал, как выносили раненых: «День был погожий, ярко светило солнце, бурно таял оставшийся еще кое-где снег. Мы шли по извилюстой проселочной тропе, мимо полей и перелесков, через холмы и долины, реки и болота, бережно неся раненых. Здорово давал себя чувствовать голод. Есть хотелось адски, а хлеба ни кусочка. Соленой капусты без хлеба, которой я позавтракал, было явно недостаточно. Не лучше себя чувствовали и остальные товарищи. Скромные запасы продуктов питания, которые мы имели, предназначались только для раненых. Иногда приходилось брести по горло в воде, приподнимая носилки с раненым над собой. Какие-нибудь пятнадцать километров пути мы проходили с большим трудом и в следующую деревушку добирались уже ночью, уставшие, измученные. Но донесли всех. В пути мы поочередно отдыхали, носилки переходили из одних рук в другие. В этом нелегком походе и мне не раз приходилось подставлять плечо под носилки, на которых лежал Фадеев» [10].

От ранения А. А. Фадеев лечился на станции Корфовской, в штабном вагоне бронепоезда. После излечения, в мае-июне 1920 года, Фадеев вместе с И. Сибирцевым совершили на пароходе «Пролетарий» и барже «Крестьянка» несколько рейсов, в ходе которых эвакуировали ценное имущество и вооружение из Имана в Благовещенск, где не было японских войск и вероятность их захвата интервентами была гораздо ниже. Лето 1920 года Фадеев проводит в Ракитном в должности комиссара пулемётной команды. После непродолжительного пребывания во Владивостоке в августе-сентябре он вместе с И. Сибирцевым и Т. Головниной отправился в Амурскую область: по КВЖД до Харбина, а далее по Сунгари и Амуру на пароходе до Благовещенска, где получает новое партийное поручение — направиться в освобождённые

от белых районы для проведения агитационно-пропагандистской работы и организации на селе комсомольских ячеек. После месячной поездки по Амурской железной дороге Фадеев вернулся в Благовещенск и обнаружил, что 2-я стрелковая бригада, в которую Игорь Сибирцев был назначен комиссаром, почти полностью отбыла в Забайкалье, где сохранялась власть атамана Семёнова. Выбить «читинскую пробку» предстояло боевым частям Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР). Спешно отчитавшись в обкоме РКСМ, Фадеев успел к погрузке последнего полка бригады, в котором находилось много его односельчан-чугуевцев, с которыми он вместе партизанил в Приморье.

А. А. Фадеев участвовал в Борзинской операции, во взятии Даурии, затем получил назначение комиссаром 13-го (22-го) полка 5-й Амурской стрелковой бригады и в начале 1921 года назначен на должность комиссара 8-й Амурской стрелковой бригады 3-й Амурской дивизии. Этому способствовали как достаточно богатая партийная и партизанская биография Фадеева, так и его деловые качества, которые были отмечены в послужных документах комиссара зачастую в превосходной степени. В феврале 1921 года А. А. Фадеева избрали делегатом на II конференцию военкомов, политработников и комячеек НРА ДВР, которая состоялась в Чите. На конференции Фадеев был избран делегатом X съезда РКП(б) с правом решающего голоса. Из семи сотен делегатов с правом решающего голоса лишь двое были моложе 20 лет, один из них — Александр Фадеев. Вместе с ним на съезд партии отправились и другие делегаты от НРА ДВР: М. И. Губельман, И. М. Певзнер, а также комиссар 2-й Верхнеудинской дивизии И. С. Конев, будущий прославленный Маршал Советского Союза, с которым Фадеев добирался до Москвы в одном купе. И. С. Конев с теплом вспоминал об этом времени в своих мемуарах: «В течение почти целого месяца ехали вместе от Читы до Москвы в одном купе, ели из одного котелка. Оба мы были молоды: мне шёл двадцать четвертый, ему — двадцатый; симпатизировали друг другу, испытывали взаимное доверие. Он нравился мне своим открытым, прямым характером, дружеской простотой, располагавшей к близким и простым товарищеским отношениям. Эта дружба, завязавшаяся во время долгого пути через Сибирь, окрепла на самом съезде» [8]. В дальнейшем и Фадеев, и Конев будут вместе участвовать в подавлении Кронштадтского мятежа, во время которого Фадеев получит тяжёлое ранение и по излечении не вернётся на Дальний Восток, а останется в Москве, рассчитывая сначала стать геологом, а затем связав свою жизнь с литературой, заняв своё место в ней именно

благодаря тем работам, которые были написаны на основе прожитого в годы интервенции и Гражданской войны...

Роман «Разгром», ознаменовавший появление нового крупного писателя в молодой советской литературе, вызвал бурное обсуждение не только в писательской среде, но и в кругу приморских партизан. Наряду с положительными откликами звучали и критические замечания, вплоть до запрета ставить «Разгром» на театральной сцене. Общегородское собрание бывших красных партизан Владивостока в составе 155 человек, состоявшееся 11 декабря 1932 года, обсуждало многие насущные вопросы участия ветеранов Гражданской войны в социалистическом строительстве, среди них — роль партизан в сохранении памяти о Гражданской войне. Некоторые выступающие отмечали, что ««Разгром», постановку и книгу Фадеева, как исторический источник нельзя считать, так как всё извращено...», «неверно вывели женщину-партизанку» [11]. Однако эти суждения не были доминирующими, а выражали настроения отдельных партизан, которые стремились представить партизанское движение в идеализированном свете, лишив его многих оттенков и той сложности, которая раскрывалась в романе Фадеева.

Фадеев вернулся на Дальний Восток в 1933–1935 годах, но не нашёл в регионе тех людей, с которыми был особенно близок в военные годы: «Никого не было из тех, кого я любил, кто был лично дорог мне именно по дням юности. Я нашёл своих сверстников только в деревне и очень много встретил в разных концах края соратников по гражданской войне на Дальнем Востоке — главным образом среди колхозников. Это необыкновенно много дало мне как человеку, и особенно как писателю, что, впрочем, неотделимо одно от другого, если речь идет о писателе настоящем» [14, с. 12–13]. Во время пребывания на Дальнем Востоке А. А. Фадеев помогал в устройстве жизни ветеранов Гражданской войны, участвовал в сборе исторических материалов, помогал советами. В 1934 году, получив письмо от своего бывшего соратника Печенежского с просьбой помочь методическими советами в деле написания истории Сучанского рудника, Фадеев приветствовал этот шаг и дал следующие советы: «Со своей стороны рекомендую начать дело таким образом: выделить одного ответственного (культпропа парткома или редактора газеты) и создать вокруг него небольшую комиссию из бывших красных партизан, старых рабочих, комсомольцев. Затем провести несколько собраний актива, на которых осветить вопрос и завербовать низовых помощников в этом деле с шахт. После того как соберёте достаточное количество материала, комиссия поручит уже определённым лицам разработать его и часть издать именно как

материал, а весь материал в целом, отбросив лишнее, связно изложить и выпустить отдельной книгой как историю рудника» [Цит. по: 13, с. 93].

При написании романа «Молодая гвардия» Фадеев не только использовал материалы о деятельности и подвигах героев-краснодонцев, но и обращался к опыту своей подпольной и партизанской борьбы. После выхода в свет роман вызвал не только массу положительных эмоций, но и критику. Написанный за несколько месяцев и быстро изданный, роман и впрямь не мог отличаться проработкой деталей, что признавал сам автор. Фадеев старался как можно скорее реализовать замысел и познакомить миллионы читателей с поразившей его историей подвига краснодонских комсомольцев. В числе претензий к роману было упомянуто и недостаточно рельефное изображение руководящей роли партии большевиков. Однако сам писатель не рассматривал критику как посягательство на свою свободу творчества, он признавал её логичность и считал справедливой. 31 марта 1948 года в письме Г. Х. Цапурину Фадеев писал: «Нельзя рассматривать мой роман “Молодая гвардия” только как описание действительных событий. Ведь в нём немало и выдумки. Поэтому вполне справедливы претензии наших старших товарищей большевиков на то, что роль партии в романе недостаточно отражена. Партия в романе показана главным образом через Шульгу и Валько, которые плохо организовали подполье, провалились сами и провалили всё дело. Конечно, такие случаи бывали... Но по опыту нашего подполья при Колчаке ты сам знаешь, что большевики неплохие организаторы и этим побеждают. Поэтому следовало в романе, получившем такое большое распространение, показать эту сильную сторону большевиков. Вот я и собираюсь это сделать». Переработка романа заняла несколько лет, и вторая редакция вышла в свет в 1951 году.

В конце 1940-х – начале 1950-х годов Фадеев восстановил контакты со многими старыми товарищами, которые остались в живых, и постоянно обращался к годам своей юности. Однако реализовать многие творческие замыслы, связанные с Дальним Востоком (в том числе окончить роман «Последний из удэге»), помешала трагическая смерть писателя в 1956 году. За три дня до самоубийства А. А. Фадеева к нему в Переделкино приезжал старый товарищ, командир времён партизанской войны в Приморье — Н. К. Ильюхов. Они вспоминали о том, как весной 1919 года в отряд вместе с товарищами пришёл «душевный малец» Саша Булыга — худой, с тонкой и вытянутой шеей, впалыми щеками и совсем детским лицом, на котором выделялись весёлые глаза, в голубом сиянии «видна была неукротимая решимость и надёжная сила убеждённого бойца и властность вожака» [6].

А спустя несколько месяцев, летом 1919 года, Фадеев уже поднимал боевой дух партизан на отдыхе между боями проникновенным и мастерским чтением стихов Некрасова, рассказами о восстании декабристов и его героях... Всё это было более 30 лет назад, и всё это было безумно дорого Фадееву, особые, лучшие годы жизни которого были связаны с Дальним Востоком.

Участие в революционном движении и Гражданской войне на Дальнем Востоке сыграло в жизни и творчестве А. А. Фадеева исключительно важную роль. Февральскую революцию Александр Фадеев встретил 16-летним юношей без твёрдых политических убеждений и серьёзного жизненного опыта, но с огромным революционным энтузиазмом и желанием обновления мира на новых, более высоких и справедливых началах. Спустя четыре года Фадеев — идейный большевик, комиссар полка, а затем бригады, делегат X съезда РКП(б). 20-летний Фадеев прошёл через революционное подполье, партизанскую войну против интервентов и белогвардейцев, имел два ранения, не раз заглядывал в глаза смерти, видел гибель своих друзей и товарищей по оружию, пронёс через годы борьбы свои революционные идеалы. За это время хрупкий юноша приобрёл колоссальный жизненный опыт, стал зрелым мужчиной, сформировался как личность, сроднился с Дальним Востоком: «В юности мне очень трудно было расстаться с Дальним Востоком. Тогда мне казалось, что всё близкое моему сердцу остаётся здесь. Кроме того, я уже вымахал к тому времени в рослого детину, я уже немало повоевал и исходил тысячи километров дорог, и я любил наш край большой мужественной любовью» [14, с. 10]. Прожитое в этот период времени наложило большой отпечаток на литературное творчество А. А. Фадеева — его язык, проблематику произведений, идейное содержание, стиль повествования, образы героев и другие важнейшие категории, которыми измеряется авторская индивидуальность и вклад в литературу. Начиная с повести «Разлив» (1923 г.), первого серьёзного литературного произведения, до вершины своего писательского творчества, романа «Молодая гвардия», Фадеев всегда обращался к своему опыту революционера-подпольщика и партизана, воплощал в персонажах своих произведений те типы людей, которых он сам близко и глубоко узнал в эти годы. Трудно не увидеть в героях-подпольщиках «Молодой гвардии» не только комсомольцев Краснодона, выросших уже в советское время, но и самого молодого Фадеева и его товарищей, объединённых общей идеей и делом, связанных дружбой, жизнью и смертью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авченко, В. О. Фадеев / В. О. Авченко. — Москва : Молодая гвардия, 2017. — 366 с. — (Жизнь замечательных людей).
2. Галлямова, Л. И. 1917 год на Дальнем Востоке России: региональные особенности социально-политических трансформаций / Л. И. Галлямова // Россия и АТР. — 2017. — № 3. — С. 9–24.
3. Горький, М. Полное собрание сочинений. Т. 2 : Рассказы, очерки, наброски, стихи. 1894–1896 / М. Горький. — Москва : Наука, 1969. — 656 с.
4. Гражданская война на Дальнем Востоке (1918–1922) : воспоминания ветеранов. — Москва : Наука, 1973. — 352 с.
5. Губельман, М. И. Его любили, любят и будут любить / М. И. Губельман. — Текст : электронный // Фадеев: воспоминания современников. — Москва, 1965. — URL: <https://www.molodguard.ru/book81-7.htm> (дата обращения: 25.11.2021).
6. Ильюхов, Н. К. Душевный малец / Н. К. Ильюхов // Молодой дальневосточник. — 1971. — № 251 (8470). — 23 дек.
7. Ильюхов, Н. Партизанское движение в Приморье (1918–1920) / Н. Ильюхов, М. Титов. — Ленинград : Прибой, 1928. — 258 с.
8. Конев, И. С. Сорок пятый / И. С. Конев. — Москва : Воениздат, 1970. — URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/konev_is2/text.html#t1 (дата обращения: 25.11.2021). — Текст : электронный.
9. Красавина, Л. (Настя) Верный друг / Л. Красавина. — Текст : электронный // Фадеев: воспоминания современников. — Москва, 1965. — URL: <https://www.molodguard.ru/book81-6.htm> (дата обращения: 25.10.2021).
10. Пикуль, И. Встречи с молодым Фадеевым / И. Пикуль. — Текст : электронный // Фадеев: воспоминания современников. — Москва, 1965. — URL: <https://www.molodguard.ru/book81-8-5.htm> (дата обращения: 25.11.2021).
11. Протокол № 4 Владивостокского общегородского собрания красногвардейцев, красных партизан и их семей от 11 декабря 1932 г. // Государственный архив Приморского края. Ф. 81. Оп. 2. Д. 1. Л. 10–11.
12. Секретарева, З. И. С дружбой старинной и неизменной / З. И. Секретарева. — Текст : электронный // Фадеев : воспоминания современников. — Москва, 1965. — URL: <https://www.molodguard.ru/book81-5-1.htm> (дата обращения: 25.10.2021).
13. Сливко, С. В. Деятельность Дальистпарта по изучению истории революционного движения, Гражданской войны и интервенции на Дальнем

Востоке России (1922–1939 гг.) / С. В. Сливко ; Тихоокеан. гос. ун-т. — Хабаровск : ТОГУ, 2020. — 225 с.

14. Фадеев, А. А. Повесть нашей юности / А. А. Фадеев. — Москва : Дет. лит., 1971. — 320 с.

15. Фадеева, Т. А. Рассказ сестры / Т. А. Фадеева. — Текст : электронный // Фадеев: воспоминания современников. — Москва, 1965. — URL: <https://www.molodguard.ru/book81-1.htm> (дата обращения: 25.10.2021).

16. Шишкин, С. Н. Гражданская война на Дальнем Востоке / С. Н. Шишкин. — Москва : Воениздат, 1957. — 268 с.